

Размышления о символике цветов у П.А. Флоренского

Н.Н. Александров

Я как-то очень давно не перечитывал статью великого русского философа «Небесные знамения» (1919 год), хотя всегда хотел разобраться с ее смыслом и содержанием. Момент настал, когда я закончил свою книгу о цвете. И не раньше, ни позже это сделать было невозможно: чужой текст можно прочесть только своим. Тем более, текст такой степени сложности, хотя статья отца Павла очень простая и ясная, да еще и очень короткая. Сегодня так не пишут, разучились.

Чтобы излагать его логику по данному вопросу, нужно погрузиться в контекст его учения. Но наша задача рассказать об этом так, чтобы поняли даже те, кто этого не читал и вряд ли прочтет. Поэтому будем работать по принципу: меньше слов, больше поясняющих схем. Слова будем цитировать из первоисточника (в кавычках), остальное наше.

1. *«соотношения между началами мира физического имеют полное себе соответствие в соотношении начал бытия метафизического».*

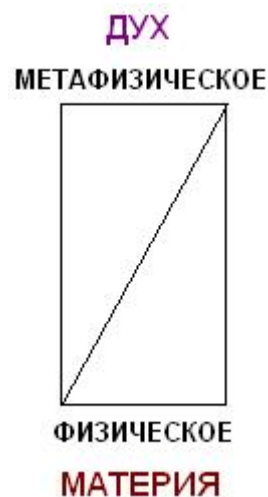

Рис. 1. Основной вопрос философии как противоречие

2. *«непрерывность в переходе от чувственного к сверхчувственному так постепенна, что говоря эти слова: свет, тьма, цвет, вещество – сам не знаешь, в какой мере, вот сейчас, имеешь дело с физическим, и в какой – с метафизическим: ведь все эти слова суть те первичные слова, из которых как из общих корней, развиваются и поднимаются, все время оставаясь*

параллельными, все время в живом соотношении между собою, как физика, так и метафизика, или, правильнее, как метафизика, так и физика».

«Эти два начала и третье – ничто – определяют собою все многообразие цветов неба. От этих чувственных образов мысль сама собою устремляется к символическому их смыслу».

В этом Ничто («ничто, пустое пространство») как потенцию мы рассмотрим еще и жизнь. Тем самым мы вводим дополнительный контур темы, которого нет у Флоренского в явном виде, но он есть в других его работах.

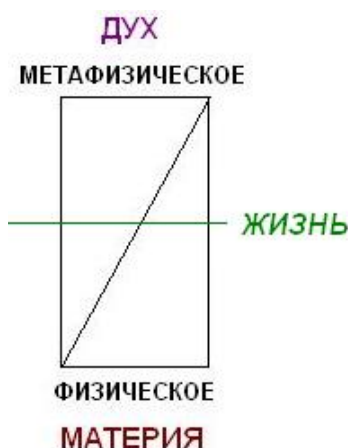

Рис. 2. Жизнь как третье.

3. С нашей точки зрения, и оставаясь в рамках темы цвета, жизнь проявлена в человеке и в обществе. Мы обозначаем это в наших работах как противоречие «Я» и «Мы», как пара «Человек и Эгрегор общества». Эти же стороны бытия цвета постоянно рассматривает и Флоренский.

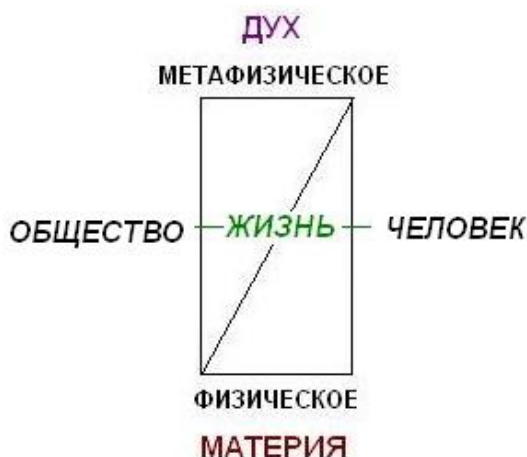

Рис. 3. Две разновидности жизни.

4. «метафизический смысл символики, этой, как и всякой другой подлинной символики, не надстраивается над чувственными образами, а в них содержится, собою их определяя, и сами-то они разумны не как просто физические, а как именно образы метафизические, эти последние в себе неся и ими просветляясь».

Рис. 4. Метафизический смысл цветовой символики.

5. «описанные соотношения между началами мира физического имеют полное себе соответствие в соотношении начал бытия метафизического; оба аналогичных соотношения, в точности, как форма и отливка по ней, или как два оттиска одной печати, повторяют друг друга. Отсюда устанавливается и символическое значение в мире сверхчувственном того, что является результатом соотношения начал бытия чувственного, т.е. символика цветов».

Рис. 5. Единство метафизического и чувственного.

6. Мы добавим к этому еще два аспекта, которые рассматриваем уже в книге о цвете:

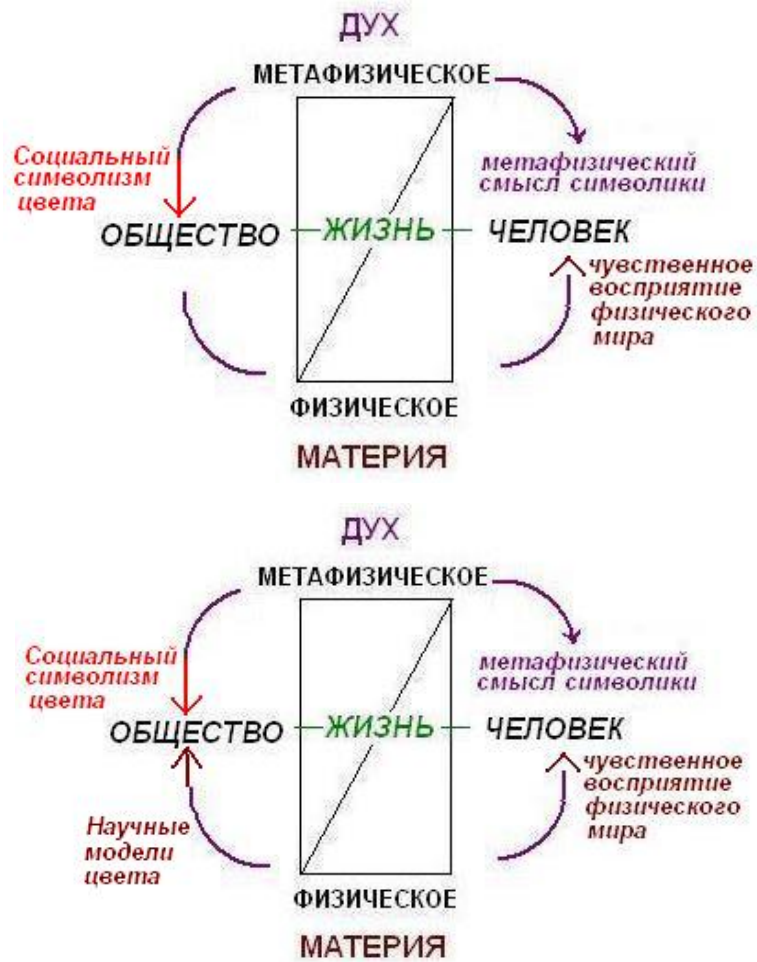

Рис. 6. Два дополнительных аспекта цветовой символики.

7. Отсюда итог: Свет и цвет можно рассмотреть в четырех разных рамках. Он может рассматриваться в контексте всех прочих наших четверок.

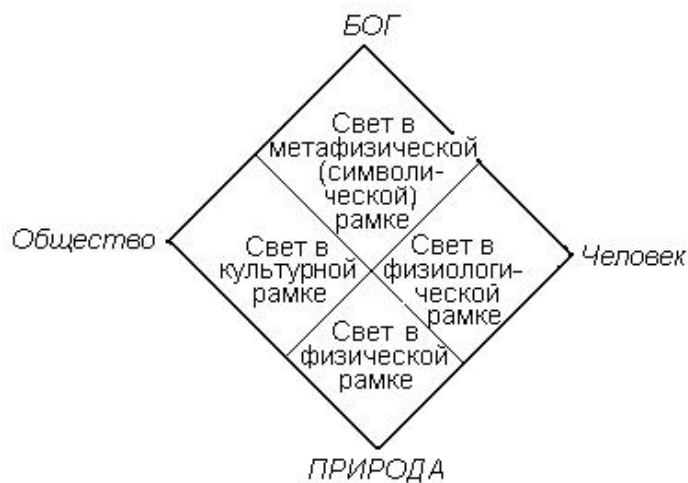

Рис. 7. Четыре рамки, при помощи которых рассматривается цвет.

Чтобы быть точным: это наш вывод, а не П.А. Флоренского.

8. *«Свет неделим, свет сплошен, – есть во-истину непрерывность. Нельзя в пространстве, наполненном светом, выделить область, не сообщающуюся со всякою другою областью; нельзя уединить часть светового пространства, нельзя отрезать часть света».*

«Итак, есть только энергия освещающего света и пассивность освещаемого, а потому – и не поглощающего свет, т. е. свет далее себя не пропускающего, вещества; и, наконец, есть то, о чем только грамматически можно сказать, что оно есть, ибо оно есть ничто, пустое пространство, т. е. свет, в котором интенсивность мыслится равною нулю, – чистая возможность воссиять свету, которого, однако, нет».

Рис. 8. Относительная дуальность Света и Тьмы.

9. Выделение промежуточного слоя между светом и тьмой.

Рис. 9. Слой между Светом и Тьмой.

10. Установление разновидностей этого среднего слоя:

Рис. 10. Вторая дуальность – раздвоение среднего.

11. Введение иерархического понятия о Софии. Оно же и генетическое, поскольку Флоренский говорит о ней как о «перво-твари». *«Лишь ограничение, ослабление, ущемление, препятствие, разбавление чистой энергии света чуждою ей пассивностью, могло бы заставить свет быть не просто светом, не просто самим в себе, но односторонним, склоненным в ту или другую сторону, в сторону такой или иной цветности. Этою пассивною средою, в ее тончайшем и нежнейшем явлении, бывает тварь, и, притом, не грубая земная тварь, грубо же нарушающая духовность света, но высшая и тончайшая тварь; тварь, так сказать, в ее перво-истоке, служит средою, придающею свету цветность. Эта метафизическая пыль именуется Софией. Она не есть самый свет Божества, не есть самое Божество, но она и не то, что мы обычно называем тварью, не грубая инертность вещества, не грубая его светонепроницаемость. София стоит как раз на идеальной границе между божественною энергиею и тварною пассивностью; она – столь же Бог, как и не Бог, и столь же тварь, как и не тварь. О ней нельзя сказать ни "да" ни "нет", – не в смысле антиномического усиления того или другого, а в смысле предельной переходности ее между тем и другим миром. Свет есть деятельность Божия, София же – первое огушение этой деятельности, первое и тончайшее произведение ее, еще, однако, дышащее ею, к ней настолько близкое, что между ними, если не брать их соотносительно между собою, нельзя провести и самой тонкой границы. И мы бы не могли различить их, если бы не соотношение: света, – деятельности Божества – , и Софии, – перво-твари или перво-материи. – Лишь из соотношения двух начал устанавливается, что София – не есть свет, а пассивное дополнение к нему, а свет не есть София, но ее освещает. Это соотношение определяет цветность.»*

И отдельно **о твари**: *«Этою пассивною средою, в ее тончайшем и нежнейшем явлении, бывает тварь, и, притом, не грубая земная тварь, грубо же нарушающая духовность света, но высшая и тончайшая тварь;*

тварь, так сказать, в ее перво-источке, служит средою, придающую свету цветность».

Рис. 11. Иерархическая конструкция среднего слоя.

11. «Дадим отчет себе, что собственно видим мы. – Мы видим свет и только свет, единый свет единого солнца».

«цветность солнечного света есть тот привкус, то видоизменение, которое привносит в солнечный свет пыль земли, самая тонкая пыль земли и, может быть, еще более тонкая пыль неба».

Рис. 12. Тройка в чувственном мире (материи).

12. «"Бог есть свет". Бог есть свет, и это – не в смысле нравоучительном, а как суждение восприятия, – духовного, но конкретного, непосредственного восприятия славы Божией: созерцая ее, мы зрим единый, непрерывный, неделимый свет. Свет не имеет дальнейшего определения, кроме того, что он есть свет беспримесный, чистый свет, в коем "несть

тьмы ни единыя". Определение света есть только то, что свет есть свет, не содержащий никакой тьмы, ибо в нем – все просветлено, и всякая тьма от века побеждена, преодолена и просвещена».

«и – Бог, София и Тьма кромешная, тьма метафизического небытия, в мире духовном».

Рис. 13. Тройка в мире Духа.

И в целом: «Солнце, тончайшая пыль и тьма пустоты в мире чувственном, и – Бог, София и Тьма кромешная, тьма метафизического небытия, в мире духовном, – вот те начала, которыми обуславливается многообразие цветов, как здесь, так и там, при полном всегда соответствии тех и других друг другу».

13 «оптические среды, которые светом наполняются и свет нам передают, – они не непрерывны, они зернисты».

Рис. 14. Среднее как прерывистое («зернистое»).

14. Когда Флоренский говорит о Софии, то формулирует: *«Три основные аспекта перво-твари определяют три основные цвета символики цветов»*. Про цвета ниже, а вот контекст:

Рис. 15. Место разговора о цвете, дислокация понятия « цвет».

15. *«Прямо против солнца – фиолетовый, сиреневый и главное – голубой. В стороне солнца – розовый или красный, оранжевый. Над голову – прозрачно-зелено-изумрудный»*.

«Три основные аспекта перво-твари определяют три основные цвета символики цветов, остальные же цвета устанавливаются в своем значении, как цвета промежуточные».

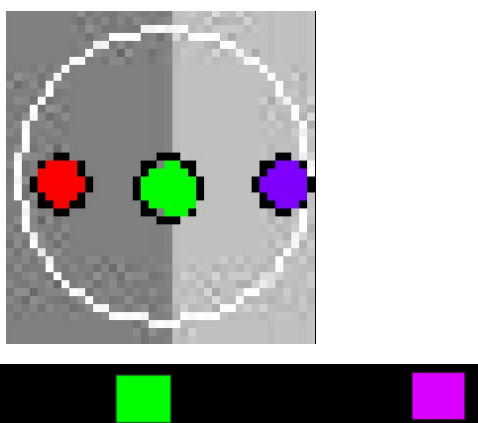

Рис. 16. Цвет вне контекста света и тьмы. Первичная тройка Флоренского.

16. *«Фиолетовый и голубой цвета это есть тьма пустоты, – тьма, но смягченная отблеском как бы накинутаго на нее вуаля тончайшей атмосферной пыли; когда мы говорим, что видим фиолетовый цвет или лазурь небосвода, то это мы видим тьму, абсолютную тьму пустоты,*

которой не осветит и которую не просветит никакой свет, но видим ее не самое по себе, а сквозь тончайшую, освещенную солнцем пыль. Красный и розовый цвета – это та же самая пыль, но видимая не против света, а со стороны света, не смягчающая своею освещенностью тьму между планетных пространств, не разбавляющая ее светом, но, напротив, от света отнимающая часть света, заставляющая глазу свет, стоящая между светом и глазом и, своею непросвещенностью, прибавляющая к свету – тьму. Наконец, зеленый цвет, по направлению перпендикулярному, зеленоватость зенита, есть уравновешенность света и тьмы, есть боковая освещенность частиц пыли, освещенность как бы одного полушария каждой пылинки, так что каждая из них столь же может быть названа темною на светлом фоне, как и светлою на темном фоне. Зеленый цвет над головою – это ни свет и ни тьма».

«Созерцаемая как произведение божественного творчества, как первый сгусток бытия, относительно самостоятельный от Бога, как выступающая вперед навстречу свету тьма ничтожества, то есть созерцаемая от Бога по направлению в ничто, София зрится голубою или фиолетовою. Напротив, созерцаемая, как результат божественного творчества, как неотделимое от божественного света, как передовая волна божественной энергии, как идущая преодолевать тьму сила Божия, т. е. созерцаемая от мира по направлению к Богу, София зрится розовою или красною. Розовою или красною она зрится как образ Божий для твари, как явление Бога на земле, как та "розовая тень", которой молился Вл. Соловьев. Напротив, голубою или фиолетовою она зрится как мировая душа, как духовная суть мира, как голубое покрывало, завесившее природу. В видении Вяч. Иванова, как первооснова нашего существа в мистическом погружении взора внутрь себя: душа наша – как голубой алмаз.»

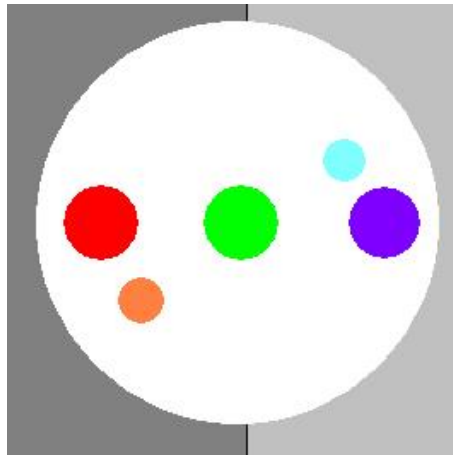

Рис. 17. Пятерка цветов Флоренского.

17. *«Наконец, есть и третье метафизическое направление – ни к свету, и ни от света, София вне ее определения или самоопределения к Богу. Это тот духовный аспект бытия, можно сказать, райский аспект, при котором нет еще познания добра и зла. Нет еще прямого устремления ни к Богу, ни от Бога, потому что, нет еще самых направлений, ни того, ни другого, а есть лишь движение около Бога, свободное играние перед лицом Божиим, как зелено-золотистые змейки у Гофманна, как Левиафан, "его же созда Господь ругатися (т. е. игратися) ему", как играющее на солнце – море. И это тоже София, но под особым углом постигаемая. Эта София, этот аспект Софии зрится золотисто-зеленым и прозрачно-изумрудным. Это – тот аспект, который мелькал, но не находил себе выражения, в первоначальных замыслах Лермонтова».*

В приведенных текстах есть рассуждение о динамике цвета, его обертонах-растяжках, состоящих в движении к свету и тьме:

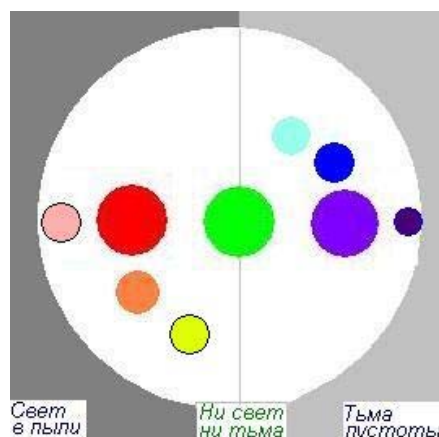

Рис. 18. Движение главных цветов к свету и тьме.

18. Введем в схему Белый и Черный, поскольку они за область цвета.

«В отношении к цветам мы называем свет – белым: но "белый" не есть положительное определение, оно указывает только на беспримесность, на "ни тот, ни другой, ни третий цвет", а только: сам он, чистый, беспримесный свет. "Белый свет" есть только обозначение света, как такового, чисто аналитическое подчеркивание его цельности. Он, – свет ли, Бог ли, – полнота, в нем нет никакой односторонности, ибо всякая односторонность происходит от препятствий; нет в нем никакого ущерба, никакого ограничения».

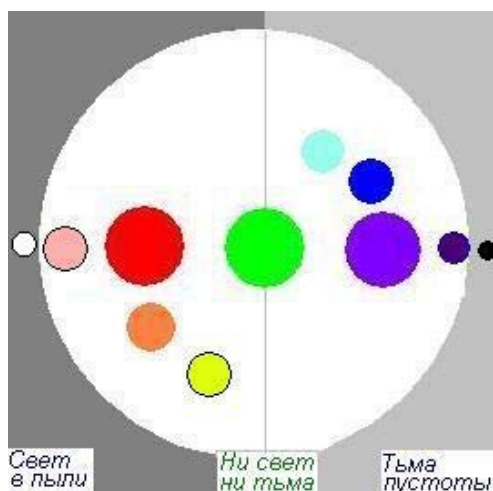

Рис. 19. Движение главных цветов к свету и тьме.

19. **Итого:** в ядре основные цвета, их 9, и есть две потенции – их высветление (движение к свету) и затемнение (движение к тьме).

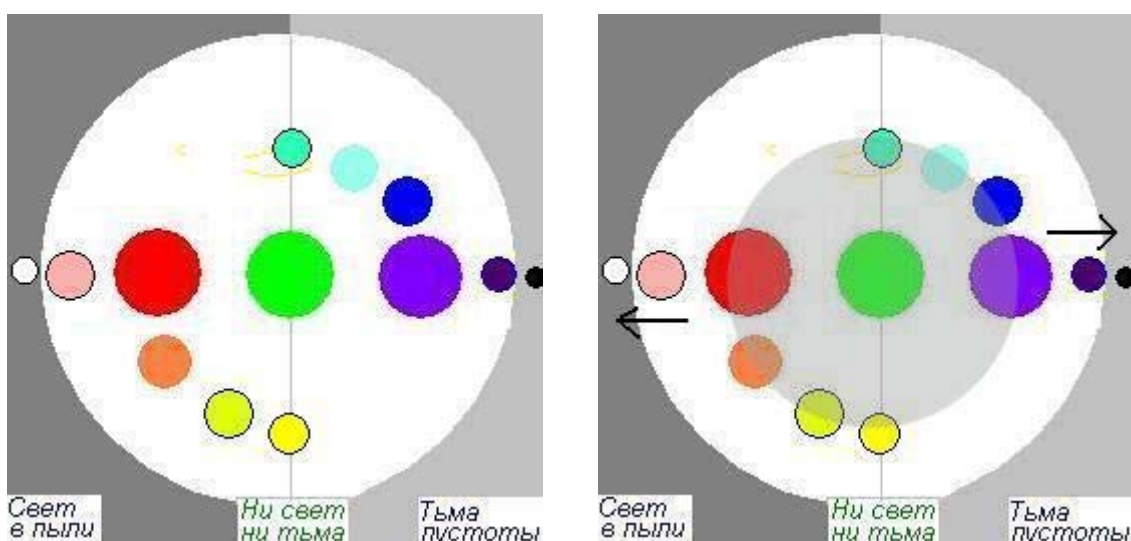

Рис. 20. Итоговая схема цветов Флоренского в нашей реконструкции.

В заключение скажу, что в объеме это модель на двух спиралях типа ДНК.